

**ИМПЕРСКИЙ РЕГИОНАЛИЗМ И ПРОБЛЕМЫ
ИДЕНТИЧНОСТИ
В ИСТОРИИ СТРАН ВОСТОКА И ЗАПАДА/
IMPERIAL REGIONALISM AND PROBLEMS OF IDENTITY IN
THE HISTORY OF COUNTRIES OF THE EAST AND THE WEST**

Серия «История»
2012. № 2 (3), ч. 1. С. 262–269
Онлайн-доступ к журналу:
<http://isu.ru/izvestia>

ИЗВЕСТИЯ
*Иркутского
государственного
университета*

УДК 9(С18)

**Механизмы адаптации представителей
мигрантских меньшинств в переселенческом обществе
востока позднеимперской России**

В. И. Дятлов

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Ключевые слова: этническая диаспора, сибирское переселенческое общество, самоидентификация, русификация, социальность, национально-культурное развитие, коллективная интеграция.

Переселенческие общества, чьи ключевые характеристики заданы миграционными процессами, – феномен общемирового значения. В силу своей распространенности и глобальности – феномен чрезвычайно разнообразный и многоликий. Многообразие его типов и вариантов требует для понимания и различных исследовательских стратегий, компаративистики, описания и анализа отдельных обществ, механизмов и результатов их генезиса и функционирования. В этом смысле сибирское переселенческое общество дает неоценимый материал для изучения этих сложнейших процессов и явлений.

В основе его генезиса лежал, и во многом лежит до сих пор, сложнейший процесс синтеза переселенческого и аборигенного населения, первопоселенцев и новопоселенцев. Синтеза культурного, экономического, социального. При этом необходимо иметь в виду как гетерогенность аборигенного населения, огромное разнообразие его типов, так и не меньшее разнообразие населения пришлого. Причем это пришлое население постоянно укореняется, «осибириячивается», приобретая новые черты культуры, меняя (иногда радикально), старые. Синтез происходит в контексте сильной имперской власти, на базе русского языка и культуры, на основе привносимых из-за Урала экономических укладов и технологий, в экстремально тяжелых условиях жизни, отсутствия надежных коммуникаций и недонаселенности региона.

Для данного исследования чрезвычайно важен момент гетерогенности пришлого населения – его культурной, религиозной, этнической, социальной сложности и разнообразия. Люди попадали в Сибирь в результате доброволь-

ного и недобровольного переселения, в одиночку и группами. Процесс их миграции растянут во времени, но иногда мог принимать концентрированный, «залповый» характер. Переселялись крестьяне и горожане, представители различных социальных, профессиональных, сословных и имущественных групп. На новой земле они добровольно или вынужденно избирали деревенский или городской уклад жизни.

Какие стратегии адаптации они при этом выбирают? Входит ли в эти стратегии задача сохранения прежней групповой идентичности? Используются индивидуальные или коллективные практики вхождения в новое общество в экстремальных условиях? И если коллективные – то формируют ли переселенцы эти коллективы на новом месте или приносят их с собой? Если формируют – то каков механизм? На каких основах это происходит?

Теоретически можно предполагать существование ситуации «плавильного котла», господства индивидуальных стратегий, ориентированных на ассимиляцию, полное растворение в принимающем обществе, обретение новых групповых характеристик и самоидентификаций. Особенно если происходило постепенное и дисперсное расселение, при крайне ограниченных возможностях личного выбора места и условий жизни, в экстремальных условиях природы и замкнутых небольших коллективов. В ситуации полного доминирования русского языка и культуры, давления власти, задававшей параметры групповой организации через сословную систему. Когда смена языка и религии (то есть почти полная смена социального кода) становились условием личного вертикального социального роста. При этом рудименты прежних идентичностей и культурных характеристик могли сохраняться. Происходили одновременно русификация и осибирячивание – как обретение неких общих характеристик региональной группы.

Однако осибирячивание вполне могло происходить и без глубокой русификации. Предпосылкой тому становились групповые стратегии адаптации. Они могли действовать в ходе массовых, практически одновременных переселений. Тогда происходила полная или частичная трансплантация культурных норм и механизмов социальной организации. Это могли быть, к примеру, ссыльные участники двух польских восстаний, добровольные аграрные переселенцы по столыпинской реформе.

Крайний вариант полной трансплантации группы демонстрировали, например, меннониты. На новых землях они полностью воспроизвели все элементы духовной, религиозной жизни, социальных связей и отношений, хозяйственного уклада, стиля жизни. Понятно, что представителям меньшинства легче сохранить привычный уклад и образ жизни, тип социальной организации, систему ценностей, религиозных и культурных норм при аграрном переселении, при формировании собственной сельской общины. Необходимость приспособления к новым природным условиям, повседневные контакты с инокультурными соседями заставляли, конечно, многое менять, особенно в технологической сфере, многое перенимать. Технологические перемены, особенно в сельском хозяйстве, неизбежно сопровождались культурными. Но сама консервативность сельской жизни являлась мощной под-

держкой и опорой групповой самоорганизации и идентичности. Перемены часто принимали форму развития и укрепления традиции. Большую важность приобретал и фактор покинутой (хотя бы и добровольно, с возможностью возвращения) «исторической родины», поддержания связей с оставшейся там «материнской группой».

Групповая трансплантация была не единственной, возможно и не преобладающей стратегией адаптации к новым условиям. Происходили процессы групповой консолидации и непосредственно на новом месте, в Сибири. Наиболее полно и ярко это демонстрирует процесс формирования еврейских общин. Как правило, евреи попадали в Сибирь индивидуально, не в составе групп. Добровольно и принудительно. Расселялись дисперсно, в том числе и в результате целенаправленной политики властей. Избирали по преимуществу городские профессии и сферы занятости (торговля, ремесла, услуги), но часто занимались этим и в деревнях. Приписывались к различным сословиям. Все это не мешало им формировать устойчивые общины с эффективными механизмами внутреннего контроля, поддержки и регулирования, воспроизводства культурных норм. Общины могли быть внутренне неоднородными, раздираться глубокими противоречиями и конфликтами, но это не мешало их деятельности и не снижало эффективности. Отдельные примеры индивидуальной интеграции евреев (ассимиляция через принятие православия) наблюдались, но это был маргинальный вариант.

Эти примеры заставляют задаться вопросом – каковы стимулы, условия и механизмы групповой консолидации попавших в Сибирь представителей меньшинств? Что заставляло их избирать диаспоральную стратегию и практику адаптации, которая подразумевает формирование сети социальных связей и системы взаимоотношений, жизненных практик и культурных норм, основанных на представлениях о единстве судьбы и места исхода, ценности памяти об «исторической родине» и связей с нею (реальных или духовных)? Каковы механизмы функционирования сформировавшихся в результате общин? Наблюдалась ли внутренняя динамика, трансформация этих механизмов?

На поверхности лежит то обстоятельство, что для представителей некоторых меньшинств жизнь в диаспоре была нормой и до Сибири. Евреи, как в «черте», так и вне ее, немцы в аграрных колониях и в качестве иноэтничного и инополовничного меньшинства в городах Европейской России, накопили большой опыт и навыки жизни в диаспоре. Они принесли этот опыт в переселенческое общество.

Практические навыки, умения выстраивать отношения с представителями большинства, властями, находить приемлемые для всех «экономические ниши» были важны. Но еще важнее были ценности идентификации – то, ради чего собственно воспроизводство группы и необходимо. И здесь сразу же выходит на первый план религия, как безусловная ценность, вбирающая в себя все остальное. В условиях господства на новом месте иной религии (господства в силу численного преобладания верующих и опоры на власть), только формирование собственной религиозной общины становилось зало-

гом сохранения прежней социальности. Это была именно конфессиональная община. И то, например, что часто, исходя из современного понимания, рассматривается и маркируется как немецкая община, было общиной лютеранской. Еврейская община – иудейской, польская – католической. Можно предположить (но это нуждается в отдельном анализе), что при отсутствии религиозных различий или особых отношениях с православием (у армян и грузин, например) и стимулы к общинному строительству были меньше.

Этот процесс происходил в условиях общества, где конфессиональность была одним из сословно формирующих оснований. Поэтому властью самоорганизация в форме религиозных общин признается делом в принципе законным, иногда необходимым. В некоторых случаях, исходя из общеполитических соображений, власти могут ставить препятствия, но не могут выступать против процесса в целом.

Кроме того, власть через формальные статусы или неформальное, но мощное отторжение выдавливала некоторые меньшинства, что способствовало их консолидации. Общеизвестен особый правовой статус евреев страны вообще и сибирских, в частности. Происходила стигматизация поляков (позднее – также и немцев) в качестве политически нелояльных империи групп. Это выводит нас на проблему особой и огромной роли государства в процессе диаспоростроительства.

И, конечно же, условием диаспорализации становится формирование критически необходимой массы переселенцев. Необходимой для того, чтобы составить группу и поддерживать ее существование и идентичность. Это могут быть и отдельные ядра в городах (но не только), к которым притягиваются дисперсно рассеянные представители группы. Без такого минимума участников невозможно выстраивание каркаса институтов (религиозных и светских), формирование достаточно плотных сетей связей и отношений, поддержание связей с исторической родиной, сохранение и развитие исторической памяти, языка, других элементов культуры. Невозможно создание механизмов взаимного социального контроля и поддержки.

Религиозная основа групповой консолидации, групповая сплоченность как ответ на требование сословного общества, позволяет говорить о диаспоре как не об этническом по преимуществу феномене. По крайней мере, не только этническом. Не исключена гипотеза о традиционалистском, сословном типе диаспоральности. Возможно то, что мы считаем априори этнической самоорганизацией и организацией (диаспора как часть этнической проблематики), на деле было самоорганизацией религиозной.

Подтверждением этому может послужить ключевая роль церкви в системе общинных институтов. На каком-то этапе она вбирала в себя или контролировала почти весь набор других институтов. Школа была религиозной, благотворительность действовала при храме, при нем же происходило общение, праздники, функционировала иерархия, выстраивались клиентельные связи. Через церковные институты и иерархов осуществлялась связь с властями, выполнялись общинные обязательства перед ними. Религия была но-

сителем и маркером групповой идентичности, языка, культуры, общей истории и общих предков, механизмом связи с исторической родиной.

Однако к началу XX в. происходит эрозия сословности, разложение сословного строя. В его недрах вызревают элементы новой социальной структуры. Частью процесса становится формирование в среде религиозных общин уже самостоятельной этнокультурной идентичности, когда выходят на первый план изначально заложенные и в прежнем укладе элементы культуры. Самостоятельное и огромное значение приобретают школа, язык, сети и связи, представления об общности судьбы. Происходит вызревание этнических диаспор через обретение самостоятельной и ключевой роли собственно культурных норм и механизмов: языка, школы, церкви – но уже как культурного феномена, носителя и символа традиции, культуры.

Носительницей национальных чувств и настроений, национального духа, становится городская, светская по духу, современно образования элита – предприниматели, чиновники, лица свободных профессий, учителя и преподаватели, журналисты. Она выходит на первый план, решительно потеснив элиту традиционную. Она самоопределяется не столько через религию, сколько через культуру, воспринимая и религию как часть культуры. Большую роль в динамике ее становления играли политические ссыльные. Они привносят, среди прочего, участие в политике, политическую составляющую в жизнь общин.

Особенно ярко этот процесс протекал у евреев, которые постепенно, эволюционно из конфессиональной группы трансформировались в этнокультурную общность. Условно говоря, иудеи постепенно становились евреями. Осознавали себя в таком качестве и соответствующим образом выстраивали жизненные стратегии и практики. Евреи, к примеру, активно участвуют в политической жизни – как в общеимперских институтах, так и в специально еврейских. Формируется новая светская элита, находящаяся в сложных, обычно напряженных взаимоотношениях со старой, традиционной.

Первая мировая война мощно подтолкнула процессы этнизации отношений, формирования этнического взгляда на мир, создав и новые политические практики. Ситуация с российскими немцами дает этому выразительный пример. Потомки лиц, переселившихся в Россию еще до создания Германии, или вовсе остзейские немцы, начинают рассматриваться в контексте Германии как национального государства, как государства немцев. Презумпция наличия у них двойной лояльности формирует соответствующее отношение и административные дискриминационные практики.

Советская власть радикально ускорила процесс диаспоростроительства, окончательно оторвав его от конфессиональной составляющей. Этничность, наряду с классовым критерием, была взята за одну из основ переформатирования общества. Начинаются эксперименты с социальной инженерией, с созданием и пересозданием «национальностей». Человек приписывался к этнической группе, его заставляли самоопределяться постановкой вопросов переписей населения, анкет, похозяйственных книг, системой предпочтений и ограничений по этническому признаку. Иногда власть решала – к какой

группе и кого приписывать. И создавала такие условия, что люди с этим соглашались. Враждебное отношение к Польше, например, формировало и соответствующее отношение к собственным полякам, давало стимул к их «деполонизации». Показательны эксперименты с советскими немцами – от их выращивания в качестве «нации», вплоть до права на республику – до коллективных репрессий и стремления уничтожить как группу.

Могли быть разные реакции на это давление. Когда этничность признавалась властью не совсем хорошей (немцы, поляки, евреи) – от ассимиляции (в тех пределах, в которых это было возможно) до стигматизации. Репрессии против немцев в годы Второй мировой войны ускорили процессы этнической консолидации, вывода ее на идеологический уровень.

Все это демонстрирует огромную роль государства, которое может поощрять диаспоростоительство, может относиться к нему нейтрально, может препятствовать или жестко пресекать. Может определять его внутреннее наполнение, задавая механизмы и формы групповой самоорганизации. Имперская власть диктовала логику сословно-конфессиональную, советская – этнонациональную. С другой стороны, возможности власти были не безграничными, этнокультурные процессы часто шли помимо ее воли.

Все сказанное относится к имперским подданным или затем советским гражданам. Людям и группам, глубоко и прочно интегрированным в российскую культуру, язык, систему властных отношений, связей и структур. Но на востоке России формировались и играли огромную роль меньшинства иного типа – трансграничные мигранты. Они продемонстрировали и иные модели взаимоотношений с большинством (принимающим обществом), властями, особый тип интеграции, имели особые правовые статусы.

Корейцы – трудовые мигранты и, одновременно, почти беженцы от невыносимых условий жизни на родине. Приходили в Россию с семьями и безвозвратно. Не раз демонстрировали готовность скорее умереть, чем вернуться. Поэтому имели огромную мотивацию к интеграции. Проявляли не только политическую лояльность, но и стремление к аккультурации. Добивались (и в массе своей добились) российского подданства. При благожелательном отношении властей основной экономической нишей избрали сельское хозяйство, добились выделения земель, создали на них корейские деревни. Нанимались также на тяжелые и низкооплачиваемые работы в городах, на золотых приисках. Это формировало и разные типы социализации. Но основными ядрами были сельские общины с деревенским укладом социальности. В стремлении к глубокой интеграции принимали православие, пусть и поверхностное, как недовольно отмечали заинтересованные современники. Огромную роль придавали образованию – причем через русские школы и русский язык. Это привело к быстрому формированию русскоязычной образованной элиты, европеизированной через русскую культуру. Именно она, а не лидеры традиционного типа, возглавила формирующуюся диаспору. Это выразилось и в том, что крупнейшие и наиболее влиятельные общинные организации имели черты современных политиче-

ских партий и ставили перед собой задачи политического плана. Прежде всего – борьбу за национальную независимость Кореи.

Куда более многочисленные китайцы в массе своей были временными трудовыми мигрантами. Большинство из них были сезонными отходниками, остальные планировали пробыть в России несколько лет. Мигрировали без семей, в соответствии с китайскими законами. Мало кто оставался навсегда – и еще меньше было тех, у кого изначально было такое стремление. Императивом было стремление умереть на родине, в крайнем случае – быть там похороненными. Поэтому и стремление к глубокой интеграции (как натурализации, так и аккультурации) проявляли сравнительно немногие. Все это вело к тому, что китайские мигранты оставались вне социальной структуры принимающего общества, да и не стремились к этому.

Однако текучесть состава и изолированность от принимающего общества не означало отсутствия организованности. Это не был рыхлый конгломерат независимых друг от друга людей. Напротив, была именно община, пронизанная густой «грибницей» норм, связей, сетей отношений и зависимостей, формальных и неформальных институций. Эффективно действовали механизмы взаимного контроля и механизм санкций для отступников. Текучесть состава этому не мешала. Можно сравнить это с призывной армией, где при постоянной ротации людей сам институт стабилен и устойчив.

Корейские и китайские общинные институты отличались по целям. Если первые были механизмом коллективной интеграции в принимающее российское общество и, отчасти, модернизации общины, то вторые ориентировались на укрепление связей диаспоры с родиной, на решение задач экономического плана и на осуществление посреднических функций во взаимоотношениях с властями. Они были и более традиционны по способам организации. В этом смысле функции корейской общины ближе по типу к еврейскому, польскому, немецкому вариантам.

При всех различиях трансграничные мигранты избрали диаспоральные стратегии и практики интеграции в принимающее общество. Они входили в него как группы, сплоченные не только родным языком, культурой, связями с исторической родиной, но и системой формальных и неформальных институтов, кодексами неписаных, но действенных норм поведения и морали, сетями прочных связей и взаимозависимостей, быстро сложившимися практиками, обычаями и традициями. И Советская власть отнеслась к ним именно как к группам, выразив в 1930-х гг. корейцам и китайцам политическое недоверие и подвергнув их коллективным санкциям.

Это отражало и общую тенденцию – многое сделав на первых порах для этнизации отношений, для диаспорализации меньшинств в частности, Советская власть более позднего периода постаралась максимально искоренить саму возможность самоорганизации, самостоятельности вообще и в сфере национально-культурного развития в особенности. Однако интенсивные процессы «национально-культурного возрождения» свидетельствовали об огромной живучести феномена диаспоры. В целом же, коллективные стратегии интеграции меньшинств в переселенческое общество востока России проде-

монстрировали, что диаспора – это не данность и не предопределенность. Как специфический уклад жизни и тип человеческих отношений и связей этот феномен демонстрирует огромное разнообразие вариантов и поразительную динамику внутренней трансформации.

Mechanisms of Migrants' Minorities Adaptation in the Resettlement Society of the East in the Late Imperial Russia

V. I. Dyatlov

Irkutsk State University, Irkutsk

Key words: ethnic diaspora, Siberian resettlement Society, self-identification, Russification, social status, national and cultural development, collective integration.

Дятлов Виктор Иннокентьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры мировой истории и международных отношений Иркутского государственного университета, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1. тел. 8(3952)241974, e-mail: dyatlov@irk.ru

Dyatlov Viktor Innokentyevich – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of World History and International Relations, the Irkutsk State University, Irkutsk, 664003, Irkutsk, Karl Marx St., phone 8(3952)241974, e-mail: dyatlov@irk.ru